

Ю.А. Иоаннесян

История мученичества Хаджи Мухаммада Ризы Исфакхани в Ашхабаде

В статье приводится перевод истории мученической гибели в Ашхабаде Хаджи Мухаммада Ризы Исфакхани, принадлежавшего к местной общине бахаи (первой в мире организованной общине этой веры за пределами Ирана). Событие это произошло 8 сентября 1889 г. и описано в предлагаемой читателю истории ее очевидцем — Абуль Фазлем Гульпайгани. В истории зарождавшейся новой религии бахаи это событие сыграло немаловажную роль. Впервые не только была проявлена справедливость к ее последователям — лица совершившие против них преступления понесли суровое наказание, — но и на юридическом уровне был удостоверен независимый по отношению к исламу характер вероучения бахаи. Широкую известность событие получило еще и потому, что с ходатайством о смягчении приговора к подсудимым выступили сами местные бахаи. Перевод сделан с рукописи из материалов барона В.Р. Розена в Архиве РАН СПб.

Ключевые слова: религия бахаи, мученичество Мухаммада Ризы Исфакхани, вера бахаи в России, община бахаи в Ашхабаде, религии на территории Российской империи, независимый характер религии бахаи, А.Г. Туманский.

Работая в 2006 г. в Санкт-Петербургском Филиале Архива РАН, автор этих строк обнаружил в материалах барона В.Р. Розена рукопись истории убийства шиитскими фанатиками почтенного бахаи в Ашхабаде¹. Событие это произошло принародно, в центре базара 8 сентября (27 августа по старому стилю) 1889 г. и описано его очевидцем — проживавшим в то время в Средней Азии (Самарканде) известным ученым-бахаи Абуль Фазлем Гульпайгани² — в этой истории, которую мы и предлагаем

¹ С Россией, Российской империей связано появление первой за пределами Персии полностью оформленной (в том числе организационно и административно) общины бахаи, ставшей во многих отношениях прообразом будущих общин приверженцев этой религии повсеместно. Община эта возникла в Ашхабаде. К началу 20-х гг. XX в. она достигла высокого уровня социального и культурного развития. К 1918 г. было закончено возведение первого в мире храма бахаи — Дома Поклонения. Объединявшая до 1917 г. в своих рядах выходцев из Ирана — персов и азербайджанцев (по-персидски азербайджанцы часто именуются «тюряками»), община расширила свой этнический состав в послереволюционный период. В дореволюционной русской литературе к бахаи по традиции применялось уже устаревшее и в то время название их предшественников — «бабиды».

² Мирза Абуль Фазль Гульпайгани — прославленный ученый-бахаи. Родился в 1844 г. в Тегеране, умер в 1914 г. в Каире. Некоторое время проживал в Туркестане (Российской империи) и в США.

Существует история о том, как Гульпайгани, будучи еще видным исламским богословом и одним из просвещеннейших людей своего времени, принял религию бахаи.

Он как-то зашел со своими спутниками в сапожную лавку, принадлежавшую одному бахаи. Тот, видя перед собой именитого богослова, задал ему теологический вопрос, от которого Абуль Фазль пришел в замешательство. Не найдя ответа, он в растерянности вышел из лавки. Спутники пытались утешить его и просили не придавать значения вопросам «еретика-бахаи». Это не успокоило великого ученого. Больше всего его заинтриговала сама религия, в которой даже «простой сапожник» задается вопросами, на кои не могут найти ответа просвещеннейшие богословы. Это подвигло Абуль Фазля на изучение вероучения бахаи. В результате в 1876 г. он сам принял эту религию.

читателю ниже в нашем переводе с персидского. Убийцы были привлечены к суду, и непосредственные исполнители приговорены к казни. Но тут произошло невероятное. Вопреки всеобщему ожиданию, с ходатайством о смягчении приговора осужденным обратилась к властям местная община бахаи, и казнь была заменена каторжными работами в Сибири. Это милосердие к своим врагам получило высокую оценку основателя религии бахаи — Бахауллы, который, будучи сослан османскими властями в Палестину, на момент событий был еще жив. Сам суд над фанатиками-гонителями приверженцев новой религии явился беспрецедентным событием в истории веры бахаи, как и важной вехой на пути ее признания мировым сообществом. Впервые с момента зарождения этой религии не только была проявлена справедливость к ее последователям, и лица, совершившие против них преступления, понесли суровое наказание, но и на юридическом уровне был удостоверен независимый по отношению к исламу характер вероучения бахаи, из чего логически следовала неправомерность его рассмотрения как «ереси в исламе» или «реформаторского движения в исламе». Это явственно выразилось и в том, что в отличие от мусульман, присягнувших в суде на Коране, для бахаи, участвовавших в процессе в качестве свидетелей, клятва на Коране, как узнает читатель из приведенной ниже истории, была заменена другой процедурой³.

События, связанные с кровавым убийством мученика в Ашхабаде, включая ходатайство местных бахаи из гуманных соображений за убийц своего единоверца, освещались в российской прессе, что привлекло внимание будущего крупного исследователя веры бахаи А.Г. Туманского. Именно Александру Григорьевичу принадлежит первый русский перевод «Наисвятой Книги», одновременно ставший и первым в мировой практике переводом священного писания бахаи на европейский язык, принятый им несколько лет спустя после указанных трагических событий. В научной литературе они нашли отражение в публикациях А.Г. Туманского и В.Р. Розена. В своей статье «Два последних бабидских откровения», специально посвященной этой теме, Александр Григорьевич, в частности, говорит следующее:

Летом 1890 г., когда я был еще слушателем офицерских курсов при Учебном Отделении Восточных Языков, мне приходилось отбывать обязательный лагерный сбор. Желая летом попрактиковаться в разговорном персидском языке, а также познакомиться немного поближе с бабидами, я просил разрешения отбывать лагерь не в Красном Селе, а в войсках Закаспийской Области, что мне и было разрешено в виде исключения и на собственный счет.

К моему крайнему прискорбию, я до своего отъезда никому не сообщил о моем намерении заняться бабидами, а потому из-за отсутствия возможности ознакомиться с трудами Э.Г. Броуна (E.G. Browne)...

Зимой 1889–90 г. в газете «Новое Время» появилась телеграмма из Асхабада⁴, где сообщалось, что четверо шиитов-персов, приговоренные военным судом в Асхабаде за убийство бабида к смертной казни через повешение, по просьбе самих же бабидов помилованы и смертная казнь заменена им пожизненной каторгой. Вот тогда-то я и решил ехать на лето в Асхабад, а для предварительной подготовки я познакомился с трудом проф. Казем-Бека «Баб и бабиды» (СПб., 1865). Не го-

³ Бахаи признают священные писания всех других религий богооткровенными, включая Коран, который также рассматривают как священную книгу одной из других религий, но при этом сами используют свои собственные священные писания, открытые Бахауллой и Бабом. Центральное место среди этих писаний занимает «Наисвятая Книга» (Китаб-и Акдас).

⁴ Старое название города Ашхабада.

ворил же я никому о своем проекте, потому что не знал, может ли моя поездка дать что-либо новое в этой области или нет. Далее, каких бабидов я найду в Асхабаде: знающих свое учение или нет, и, наконец, захотят ли они посвятить меня в свое религиозное учение или нет — все это для меня самого было темно. А потому я и молчал.

Приехав в Асхабад 29 июня 1890 г., я с легкостью познакомился с самыми интересными из бабидов. Благодаря своему достойному образу жизни, они приняты русскими как нельзя лучше. Некоторые из более зажиточных бабидов состоят даже постоянными членами городского общественного собрания. Поэтому знакомство с ними не представило ни малейшей трудности. Видя же во мне желание познакомиться подробнее с их вероучением, трое из них наперебыв старались мне помочь в этом, именно: Мирза Абдуль-Керим Ардебилли (русифицированная фамилия которого Асадов)⁵, Мирза Юсуф Решти, бывший мусульманский мулла... и Устад Али-Акбер, архитектор, искусству которого многие здания Асхабада обязаны своим существованием... (Туманский, 1892, с. 314–315).

В связи с описанными событиями Бахаулла обратился с несколькими посланиями к своим последователям повсеместно и в Ашхабаде. Эти тексты представлены в рукописной коллекции Института восточных рукописей РАН. Они были опубликованы А.Г. Туманским в оригинале и русском переводе в цитируемой выше статье. В них содержатся высокие слова глубокой признательности российскому государству, царю и начальнику Закаспийской области генерал-лейтенанту А.В. Комарову (сыгравшему немалую положительную роль в этом деле, см. ниже)⁶, а также назидание верующим-бахаяи не забывать доброе отношение, проявленное к ним Россией (цит. в пер. Туманского):

...Поистине Светозарная Держава — да укрепит ее Бог! — проявила справедливость. Справедливость же — источник величия и мощи и могущества царей. Благо тому, кто украсится ею и напьется из чаши ее и осветится лучами ее. Нужно, чтобы эта община (община бахаи. — Ю.А.) постоянно имела это в виду. Бог — велика слава его! — всегда любил и любит честность и в разных посланиях всем предписал. Эта помощь Светозарной Державы, это проявление правды и справедливости, Бог даст, сотрет тиранство и насилие мира. Этой общине мы завещаем, чтобы она не забывала этой справедливости и чтобы из глубины сердца она молила Бога, да продолжит и продлит он долговечностью власти и царства подвиги Преподобного знамя справедливости, так как только Бога ради он соизволил помощь оказать угнетаемым всеми и постановил приговор справедливый. И это есть первая помощь, которая оказана этим угнетаемым, благодаря воле Величайшего Императора и почтеннейшего генерала⁷, да укрепит их обоих Всевышний Бог! И это дело — весьма великое!.. Это весьма ясно и известно: эта помощь Светозарной Державы — да укрепит ее Бог Всевышний — есть причина обращения (к ней) сердец со всех сторон...

...О друзья мои во (всех) странах, найдите место того, кто помог вам и постановил среди вас приговор по чистой справедливости! Мы молим Бога, да поможет

⁵ См. о нем также в тексте приводимой ниже истории.

⁶ Комаров Александр Виссарионович (1830–1904) — генерал от инфантерии, в 1883–1890 гг. начальник Закаспийской области.

⁷ А.В. Комарова (прим. А.Г. Туманского там же).

Он этой общине славить его⁸, восхвалять его, служить ему и да проявит Он в них то, что требуется за деяние его чистое, святое, славное, великое.

О люди Беха[уллаха] (т.е. последователи Бахауллы, бахаи. — Ю.И.)! Свет правды был скрыт, завешен тучей тиранства, но Бог помог Светозарной Державе Российской возжечь его и проявить его и спасти его от всякой густой завесы и грозной тучи. Мы молим Бога Всеблагословенного и Всевышнего, да поможет Он ему (т.е. Государю Императору) и его приближенным и сановникам, благодаря которым высоко было поднято знамя помощи (бабидам) здесь, и стяг победы пред лицом всей твари...

Возлюбленные должны все, поголовно, от сего дня и до последнего, за коим уже нет другого, знать цену помощи Светозарной Державы — да поможет ей Бог — и делать (с своей стороны) то, что достойно этой справедливости... (Туманский, 1892, с. 319–321).

Высокую оценку миролюбия и милосердия, проявленных бахаи к своим притеснителям, и их ходатайства перед генералом Комаровым о смягчении приговора убийцам основатель религии выразил следующим образом:

...Благо тебе⁹ и тем, кто крепко держится за вервие терпения и делает то, что ему предписано в книге Бога, Господа миров. Порадовали меня ваши деяния и терпение ваше в бедствии. Вы были убиваемы и не убивали. Добро вам! Вы совершили дело, благодаря которому благовония [учения] угнетаемых распространились среди твари (Божьей) (Туманский, 1892, с. 319).

Рукопись, о которой говорилось в начале нашей статьи и с которой сделан предлагаемый ниже перевод, зарегистрирована в Архиве РАН Санкт-Петербурга под шифром: ф. 777, оп. 1, ед. хр. 92. В колофоне говорится, что сочинение «написано 29 дня месяца *джамадиульавваля* 1307 [года] в доме брэнного Абу-л-Фазля Гульпайгани» и «это — второй список, который [исполнен] пером [для] распространения, обрета завершение в славном городе Самарканде десятого вечера месяца *раби'ульавваля* 1308 года». В переводе на европейское летоисчисление это означает, что текст написан в декабре 1889 г. (через месяц после окончания суда над преступниками), а список окончен в октябре 1890 г. Хотя в колофоне и указано, что сочинение «написано в доме Абу-л-Фазля Гульпайгани», известно что его автором является он сам. Более того, можно предполагать, что список представляет собой автограф этого ученого.

Пагинация рукописи не соответствует действительному порядку расположения страниц истории, поэтому номера страниц, приводимые нами в переводе, указывают лишь порядковый номер страницы и не соответствуют ошибочной нумерации, представленной на страницах самой рукописи.

При передаче названий арабских месяцев лунного календаря мы ориентировались на формы, в которых они приведены в персидско-русском словаре под редакцией Ю.А. Рубинчика (Персидско-русский словарь, 1985), допустив лишь незначительные изменения.

⁸ Государя Императора (прим. А.Г. Туманского там же).

⁹ Мирзе Абдуль Кариму из Ардебилля (Ардабили-Асадову), одному из героев истории, которому адресовано это послание. См. о нем также выше.

История мученичества Хаджи Мухаммада Ризы Исфাহани

[с. 1] Во имя Бога великого и могущественного!

После восхваления Бога, Господа престола и земли, владыки конечного и начального, и благословения добродетельных сил среди творений отмечу, что, поскольку история мученичества в добром граде Ашхабаде его святости блаженного мученика покойного Хаджи Мухаммада Ризы, да будет дух мой жертвой за землю его упокоения, и справедливость, явленная на суде¹⁰ государственными мужами блистательной российской державы, да протянет Бог ее шлейф от запада до востока и от севера до юга, достойны включения в летописи, как и рассказов в кругу друзей¹¹ во всех городах и землях, то я счел нужным описать эти события и для друзей царственного града Исфাহана, дабы Вы, досточтимый, зачитали [повествование сие] в собрании друзей и все бы принялись молиться за продление жизни, царствования и умножения сияния и блеска его величества императора Александра III и государственных мужей его блистательной державы. Ибо в недостижимых [по своей вознесенности] Скрижалях, кои-ми удостоил Он¹² из священной сферы, речет Он то, что вкратце можно передать так: из верности, что неизменно присуща достохвальным и возвышенным натурам и предписана священнейшим божественным величием, не должна никогда гонимая община сия предавать забвению поддержку и справедливость блистательной российской державы; непрестанно должна просить она у благословенного и вознесенного Господа укрепления и усиления его высочайшей святости величайшего императора, чтобы неизменно пользовался поддержкой и успехом он в том, что соответствует божественному благорасположению. Ведь это — беспримерная доселе справедливость и первая защита, что были оказаны в мире этой общине великим государем и просвещенным царем царей, который отвратил зло сильного врага от горстки униженных, что в целом мире не имеют ни убежища, ни доброжелателя, кроме Господа благословенного и возвышенного!¹³

Поразительно, что степи Хорезма, что пестрят юртами племен и изобилуют крупным рогатым скотом туркмен, есть та самая мятежная и кровавая земля, в которой ежегодно гибли от меча более тысячи иранских пленников, и неопишуемые бесчестия творились по отношению к [с. 2] дочерям и сынам шиитской общины, не говоря уже о многих душах, что продавались в Хиве, Бухаре, Самарканде и других городах Туркестана хуже чернокожих¹⁴ невольников. Ныне лет девять, как силами блистательной российской державы там построен веселящий взор город Ашхабад, и хорезмская степь, что со времен Кейхосрова¹⁵ до сих пор служила ареной сражений иранских и туранских царей и местом набегов [монголо-]татар и туркмен, стала обителью правосудия восточных стран. Волк и агнец, лев и марал¹⁶ словно почивают [в ней] спокойно и безмятежно на одной подушке. Вознесен Бог, могущественный властитель!

¹⁰ Букв.: на этом суде.

¹¹ «Друзья», т.е. «друзья Бога» — так называют себя бахаи.

¹² Бахаулла.

¹³ Ср. процитированные выше отрывки из посланий Бахауллы.

¹⁴ Слово в оригинале буквально означает «мавры».

¹⁵ Кейхосров или Кайхосров — один из героев поэмы «Шахнаме» выдающегося персидского поэта Фирдоуси, легендарный царь Ирана, сын богатыря Сиявуша. Враждовал с легендарным правителем Турана — Афрасиабом.

¹⁶ «Горный козел».

В семнадцатый день месяца *зилька'да* 1306 года хиджры¹⁷, когда автор этих строк приехал в город Ашхабад к господам Афнанам¹⁸, он впервые сподобился встретиться с его святостью мучеником. Тот, досточтимый, стоял на высокой ступени непоколебимости, чистоты, благорасположения и верности, и как со своими, так и с чужими обходился крайне дружелюбно, обращаясь с другом и недругом в духе всепрощения и милосердия. Но из-за его твердости и известности в Деле Божьем¹⁹ недоброжелатели и лицемеры постоянно избирали путь противодействия [ему] и раздора с его святостью. Как и в Иране, что наблюдали Вы, давали ему прозвища и обвиняли в мнимых непристойностях. Например, обзывали его «имамом Ризой бабидов»²⁰ и принародно объявляли его врагом правоверных имамов. Боже упаси [от таких слов]! Ашхабад служит и местом скопления недругов [из] Азербайджана²¹, что под натиском и [страхом] кары Амир Алама — высокопоставленного слуги Хасана Али-хана Амир Низама²², правителя того блаженного края²³, лишились возможности осесть в той земле и перебежали сюда, уцепившись за вервь свободы блистательной российской державы.

Вкратце, более года иные злодеи, препоясав чресла, проявляли враждебность к тому средоточию праведности, совещаясь на многочисленных собраниях о том, как его убить²⁴. Заправилами на этих сходах и подстрекателями к этому злодейству²⁵ выступили Мулла Ахмад — купец из Йезда, Махди из Кашана, Мулла Махди из Табриза — рассказчик повествований о мученической гибели шиитских имамов, Машхади Самад — купец из Табриза, [с. 3] Машхади Джалиль из Мийане и некоторые другие жители Ирана и Кавказа. Лишь наступил конец [месяца] запретного *зильхиджжа*²⁶, как его святость мученик попросил автора этих строк написать для него [его] завещание. Я сказал, что напишу как-нибудь на досуге. Несколько дней я оставался равнодушным [к его просьбе]. Однажды он спросил: «Почему ты пренебрегаешь написанием этого завещания?». «Для чего спешить?» — молвил я. Он сказал: «Времени мало, упустим возможность». В те дни нашел он в своих Священных Скрижалях указание²⁷, и не проходило почти ни одной его встречи с автором этих строк без того, чтобы не упоминал он о бдительности и о близости часа своего мученичества. Одним словом, на рассвете [первого дня месяца] *мухаррама*²⁸ он появился на квартире пишущего эти строки в сопровождении досточтимого Ака Гулам Хусайна Исфакхани, который был его добрым товарищем, искренним другом и партнером по ремеслу, и Ака Мирзы Махди Рашти. И было написано завещание такого содержания, что все принадлежащее ему в городе Ашхабаде есть законная собственность и неограничен-

¹⁷ Соответствует июню 1889 г.

¹⁸ «Афнаны» — почетный титул потомков Баба (точнее, потомков лиц, связанных с Бабом семейными или кровными узами: двух братьев жены Баба и двух его дядей по материнской линии). В данном случае речь идет о семье Ака Сайида Ахмада Афнана (Ширази), см. ниже.

¹⁹ Подразумевается религия бахаи.

²⁰ Имам Риза — 8-й шиитский имам, гробница которого находится в г. Мешхеде.

²¹ Очевидно, недругов религии бахаи. Под «Азербайджаном» здесь и всюду в тексте подразумевается иранская провинция Азербайджан (ее центр — г. Табриз). Закавказские же территории именуются «Кавказом».

²² Хасан Али Хан Гарруси «Амир Низам» — известный бригадный генерал, политик, литератор и общественный деятель каджарской эпохи в Иране (XIX в.). В частности, он был главным администратором при коронованном принце в Табризе Музаффар ад-Дине, позднее ставшим шахом Ирана (1896–1907).

²³ Букв.: подобного раю. Речь здесь идет об иранской провинции Азербайджан.

²⁴ Букв.: о его убийстве.

²⁵ Букв.: двигателями артерии злодейства.

²⁶ Соответствует июлю 1889 г.

²⁷ Очевидно, указание в священных писаниях бахаи на необходимость заблаговременного составления завещания.

²⁸ См. примеч. 31.

ное владение его высокопревосходительства Ака Сайида Ахмада Афнана Ширази²⁹, потому что его святость мученик распоряжался своим имуществом от имени его святости великого господина — он взимал плату за аренду упомянутой собственности. Деньги на личные расходы его святости мученика также поступали от его святости великого господина. После [его] мученической смерти должностные лица Области³⁰ зарегистрировали это завещание и выполнили выраженную в нем волю [покойного].

Когда наступил месяц *мухаррам* 1307 года³¹, проживавшие в Ашхабаде иранцы и кавказцы стали, как принято в Иране, возводить шатры для мистерий, образовывать группы, наносить себе раны и повествовать о мученической кончине имамов. Грубые нравы, не достойные описания и упоминания, в те дни и ночи привлекали внимание зарубежных народов. На собраниях тех подготовили все необходимое для убийства его святости мученика. Но из-за бдительности и присмотра военных на государственной службе не смогли они в первые десять дней *мухаррама* исполнить свой порочный замысел, пока не закончилась *ашура* и не прекратились собрания для повествований о гибели имамов и сходки. Утром двенадцатого *мухаррама*, примерно по прошествии трех часов после восхода солнца, когда его святость мученик проходил по базару, двое из злодеев Табриза, [с. 4] одного из которых звали Хусайн, а другого — Али Акбар, окружили при стечении народа его святость мученика и тридцатью одним смертельным ударом³² рассекли на части его непорочное тело и пролили на землю его невинную кровь, что источала дух любви, чистоты, благочестия и верности.

При том, что в момент убийства его святости мученика присутствовало более пятисот человек мелких торговцев и злоумышленников, что были заодно с убийцами, — они веселились, радовались, приветствовали и поздравляли друг друга, — благодаря бдительному присмотру властей Области, убийцы не имели возможности скрыться и были тут же схвачены. У тела его святости мученика мгновенно появились государственный врач и полицейское начальство. Но исправить что-либо было уже нельзя. Его святой дух, подобно райской птице, воспарил к вышним просторам. Несмотря на то что те двое злодеев попались в силки³³ судьбы и представители власти контролировали ситуацию и работали над ней, злоба недругов и неистовство ненавистников достигли таких пределов, что никто из друзей, кроме высокочтимого Ака Мухаммада Ризы Арбаба не отважился подойти к непорочному телу. Пока не миновал полдень, оставалось то невинное тело лежать посреди базара на земле. Наконец досточтимый Ака Гулам Хусайн Исфакхани попросил досточтимого Машхади Али Хайдара Ширвани, который пользуется уважением и репутацией компетентного человека среди кавказцев, посодействовать в подготовке тела к погребению, быть может, в его присутствии не возникнет другой смуты. Упомянутый Машхади Али Хайдар откликнулся на просьбу и появился у трупа. Несмотря на все это, никто не отважился [его] сопровождать. К кому бы ни обратились они за помощью в перенесении тела, никто не согласился. В итоге досточтимый Машхади Мухаммад Кули

²⁹ Ака Сайид Ахмад Афнан Ширази — один из наиболее приверженных Бахаулле последователей религии. Он специально предпринял длительное путешествие в Акку, чтобы встретиться с Бахауллой. В 1899 г. находился в Ашхабаде, откуда отправился в Йезд и учредил первое Духовное собрание общины бахаи в этом городе, а затем вернулся в Шираз, где принял смерть мученика. (Эти данные почерпнуты нами из генеалогии семейства Афнанов, составленной и размещенной в интернете Ахангом Раббани [*Ahang Rabhani. A Genealogy of the Afnan Family with Biographical Notes, No. 25*]).

³⁰ Имеется в виду Закаспийская область, куда входил Ашхабад.

³¹ Соответствует августу 1889 г.

³² Букв.: раной.

³³ Букв.: на цепь.

Урдубади — набожный и праведный молодой человек — поднял непорочное тело на плечо и, несмотря на то что претерпел [за это] от злодеев немалый вред и подвергся бесчисленным поношениям и проклятиям, мужественно донес тело до дома, принадлежавшего его святости мученику и находившегося в собственности господ Афнанов. Злодеи напали и от радости хлопали в ладоши и кидали камни, не останавливаясь ни перед чем из злодеяний. Друзья были вынуждены запереть двери дома. [с. 5] Однако недруги бросали камни с крыши, извергали проклятия и не позволяли омыть убитого и облачить в саван³⁴. Наконец, с большими муками и сложностями совершили церемонию омовения и облачения в саван и в полночь в подобающем месте за пределами Ашхабада похоронили, предали ту непорочную жемчужину земле.

Когда наступил второй день со времени гибели мученика, усилилось волнение и возбуждение недругов. Они не давали проходу друзьям ни на базаре, ни на улице. Непрерывно приходили сообщения, что торговые заправила, что выступили подстрекателями злодеев, дали добро на убиение определенных двадцати четырех человек из друзей и распределили и собрали большие денежные средства для этого дела. Они вводили в заблуждение простолюдинов такими вздорными речами, что дело это религиозно-национальное, а мы — мусульмане и подданные иранского государства, и российское правительство не может вмешаться в этот вопрос или воспрепятствовать. Нас защищает и поддерживает государство и народ Ирана. Нельзя позволить, чтобы бабидская община обрела в этом городе спокойствие и жила бы без страха и трепета. Пишущий эти строки встречал такие нравы у твердокаменных адептов шиитской общины, [полагающих], например, что если в мире останется хотя бы один единственный шиит, то и он ни на миг не расстанется с мыслью досаждать всем, кто исповедует другую религию, и не изменит убеждению, что иноверца необходимо убивать. Ибо законоведы этой группы «непричастность [пороку] и отвращение», что состоит в обретении качеств праведников и в воздержании от присущего злоумышленникам, истолковали как восхваление и прославление людей добропорядочных и проклятие и поношение плохих. И сочли они сие одним из столпов религии. Эту несчастную общину³⁵ обрекли они по этой причине на ненависть и враждебность ко всему миру, что несет в себе в итоге лишь гибель и упадок.

Одним словом, ранним вечером второго дня несколько вооруженных злоумышленников устремились к центру базара, тогда как другие окружили базар и заняли проходы, и налетели на друзей со всех сторон. Отовсюду с предельной радостью [за происходящим] наблюдали зеваки, недруги устремили взоры со всех концов, [предвкушая], как сейчас потопят иных в крови и они посмеются над одновременной агонией тех посреди грязи и крови. [с. 6] Но бдительность и осмотрительность друзей помешали осуществлению цели злоумышленников. Проворство и стойкость друзей охладили пыл противников. В итоге, когда дело приняло такой оборот, автор этих строк совместно с досточтимым Ака Мирзой Абдуль Каримом — торговцем из Ардебилля³⁶, и некоторыми другими друзьями отправился на закате к его высокопревосходительству Комарову, генералу блистательной российской державы и правителю земли хорезмской и туркменской, [уповая на то, что], быть может, мерами верховного правительства будет погашена эта смута и при содействии [властей] славной Области остановится сход ужасной лавины, что загубила многих. Ибо было очевидно,

³⁴ Погребальные правила бахаи, как они сформулированы в «Наисвятой Книге», предусматривают захоронение покойников в гробу (хрустальном или деревянном).

³⁵ Свою собственную общину шиитов.

³⁶ Адресат одного из процитированных ранее Посланий Бахауллы. См. упоминание о нем в начале статьи.

что, если бы из-за злого умысла невежд погибло бы несколько друзей, то блистательная держава ради восстановления спокойствия и усмирения мятежа также уничтожила бы и казнила каких-то других. Такое положение привело бы к всеобщему смутению и многочисленным арестам.

Рассказ о том, что обсуждалось на вечерней встрече с его превосходительством Комаровым

Когда вошли мы в правительственное здание, представляющее собой резиденцию вышеупомянутого начальника, и стражи объявили [о нашем приходе], друзья остановились на открытом пространстве снаружи здания, а автор этих строк совместно с досточтимым Ака Мирзой Абдуль Каримом удостоились приема Комарова. Лишь вошли мы в зал заседания, как он позволил нам сесть и предельно учтиво и дружелюбно расспросил о делах и причине этой встречи. Присутствовал высокопоставленный переводчик — Ахмад-бек, доброго нрава тихий кавказец-суннит. Пишущий эти строки сказал: «Уже восемь-девять лет, как эта бабидская община пребывает и проживает под сенью милосердия блистательной державы в Ашхабаде и занимается торговлей и земледелием на началах аренды. За это время Вам не приходилось сетовать на [ее] недостойное или противозаконное поведение. Она неизменно являла предельную кротость и добродушие. Хотя [ее] большинство и страдало от издевательств и враждебности людей, они³⁷ ни разу не побеспокоили власти Области. Терпеливо и стойко переносили [сие] они, пока дело не дошло до убийства покойного Хаджи Мухаммада Ризы. Несмотря на совершение подобного запретного деяния и вопиющего насилия, опять же не намеревались они беспокоить правительство и жаловаться. [с. 7] Ибо знают они, что власти Области сами постараются поддержать порядок в городе и спокойствие людей и отвести насилие от угнетенного. Однако ныне вопрос не может разрешиться учтивостью и долготерпением, [так как] неоднократно поступали сообщения, что община шиитов намеревается убить нескольких людей. Истинность этих сообщений наглядно подтвердилась нападением злоумышленников в центре базара. Причина же сего доставляемого [Вам] беспокойства состоит в [заверении Вас] в том, что, каковым бы ни было распоряжение властей Области, эта община подчинится и не предпримет ни шага без разрешения и уведомления руководства края». Когда зашел об этом разговор, последовал ответ его превосходительства генерала, из которого явствовало, что ему донесли об убийстве мученика со слов некоторых полицейских чинов-шиитов, которые внутренне поддерживали злоумышленников. [Те же утверждали,] будто бы его святость мученик, огради Господь от таких речей, порочил исламских имамов, а те двое убийц не выдержали и убили его святость и, не пытаясь бежать, сами отправились в полицию. Досточтимый Ака Мирза Абдуль Карим заметил, что [генералу] нарисовали картину, противоположную действительности. Ибо те двое убийц были арестованы целенаправленными усилиями Али-бека Есаула. Сам он также находился там в момент убийства его святости мученика. Если его превосходительство генерал соизволят расспросить его об обстоятельствах случившегося, то наверняка тот изложит события правдиво. Его превосходительство генерал спросил в очередной раз у автора этих строк: «Каковы ваши убеждения о главах шиитов и их имамах, плохо или хорошо отзываетесь вы о них?» Я молвил: «Согласно повелению его святости основателя этой новой религии община сия не отзывается дурно ни о ком и считает брань и проклятья запретными. Даже

в отношении своих недругов и ненавистников этого величайшего откровения не имеют они права на брань и поношение, не говоря уже о вождах шиитской общины, в величии положения и возвышенности сана которых нет ни малейших сомнений. Доказательство истинности слов сего покорного слуги кроется в том, что если бы, предположим, община эта поносила бы шиитских вождей, то очевидно, что при других народах хулила бы она их значительно более дерзновенно и откровенно, чем при [приверженцах] самой шиитской общины. Его святость генерал могут спросить у авторитетных представителей русских, армян и суннитов, которые в течение этого времени общались и дружили с автором этих строк, каких правил [с. 8] придерживались мы при упоминании предшествовавших [религий] и каковы наши воззрения относительно их, дабы наглядно предстала разница между истиной и ложью, правдой и тщетою. Давно использует шиитская община эту клевету как повод для смуты и проливает под этим предлогом кровь не одного уже человека. Но поскольку эта тема в Иране давно устарела, то главы высочайшего правительства Каджаров³⁸, пусть неизменно крепнет оно в незыблемости и постоянстве, не обращают внимания ныне на этот вздор. Посему и хотят они³⁹ с помощью таких наветов и клеветы разжечь пламя смуты в крае сем и найти способ избежать возмездия за злодеяния». Его превосходительство генерал сказал: «Да, я узнал, что вы ни о ком не отзываетесь плохо, видел ваши Книги, осведомлен о ваших взглядах и сведущ. Но ведь возможно, что человек в миг ярости и в порыве гнева не сумел сдержаться и произнес слова, не согласующиеся с мудростью и законами людей». Я молвил: «И этого тоже не произошло. Ибо если, допустим, покойный Хаджи высказался бы дурно о шиитских вождах, то они⁴⁰ должны были бы сообщить властям, чтобы воздаяние осуществлялось по закону и справедливости и ни у кого бы не было повода для жалоб. То, что собственноручно совершили они убийство, доказывает их лживость и отсутствие у них убедительных доводов в глазах руководства Области этого края». «Верно, — заметил он. — Я вполне осознал злонамеренность шиитской общины и ваше угнетенное положение и правильное поведение. Вы, конечно же, будьте спокойны во всех отношениях и уверены, что в этом деле будет проведено тщательное расследование и выяснится, кто был подстрекателем этих двух злодеев к убийству Хаджи. Ибо несомненно и очевидно, что без сильного подстрекателя на территории России двое табризских злодеев не могут решиться на такую дерзость. Посему, мы приложим максимальные усилия к тому, чтобы подстрекатель попался бы в руки и получили наказание по закону и он, и исполнители». Затем он еще раз справился у автора этих строк, кто [духовный] Законодатель⁴¹ этого нового учения и сколько лет назад был основан этот религиозный закон. Я молвил: «Его святость Баб, который происходил из возвышенного семейства *саййидов*⁴² Фарса⁴³, поднялся на это Дело в тысяча двести шестьдесят году *хиджры*⁴⁴, сорок семь лет назад⁴⁵, двадцати трех лет от роду, и наставлял население Ирана [с. 9] истинным учением. Через семь лет он принял мученическую смерть по указу иранских религиозных правоведов». «А что было потом?» — спросил он⁴⁶.

³⁸ Правившая на момент событий иранская династия.

³⁹ Злоумышленники.

⁴⁰ Т.е. слышавшие это.

⁴¹ Т.е. пророк-основатель.

⁴² Саййид — почетный титул потомков пророка Мухаммада.

⁴³ Провинция в юго-западном Иране.

⁴⁴ В 1844 г. по грегорианскому летоисчислению.

⁴⁵ Сорок семь лет, если считать по лунному календарю.

⁴⁶ Т.е. генерал.

Я ответил: «После мученической гибели его святости произошла целая революция⁴⁷ и возникли страшные смуты. Пролилась кровь некоторых. Тогда поднялся его святость Бахаулла — нынешний основатель сего благословенного Дела, и выпестовал и обязал эту общину [вращивать] добродетели, такие как искренность, непорочность, благочестие, надежность, верность, целомудрие, чистота, страх Божий, дружелюбие ко всем нациям и конфессиям, приязнь и любовь к любым религиям и общинам». После этого [генерал] осведомился о молитве и религиозной практике. Я молвил: «Верно, у этой общины существуют установления, регулирующие молитвы и богослужение». Он спросил: «Где они молятся?» «В своих домах», — ответил я. «Почему не возносят молитвы в определенных храмах и в заведомо известных мечетях?» — поинтересовался он. Я заметил: «Так как община эта, следуя велению главы [и] основателя сей религии, всячески избегает смуты и беспорядков и прилагает безграничные усилия для спокойствия в городах и сохранения душевного покоя [их обитателей], то принародно не исполняет своих религиозных установлений и не молится на глазах у людей. Ибо его святости великодушнейшему генералу известен нрав шиитов и наблюдал он, как, несмотря на всю мягкость, долготерпение, добродушие и участие, что проявила в Ашхабаде эта гонимая община к шиитам, чем закончилось дело и что получилось в итоге. Ведь если не будет она предусмотрительной и прилюдно примется исполнять свои религиозные установления, то очевидно, какие злодеяния будут совершены этой группой⁴⁸ и какой источник беспорядков в городе, что поглотит все внимание властей Области, тогда возникнет». Он сказал: «Не бойтесь их и не думайте об этом великом зле. Подобное происходило уже не раз. Блистательная держава не позволит, чтобы эти злоумышленники сделали причиной смуты и беспорядков. Пусть не полагают [они], что этот край есть тоже азербайджанская земля. Конечно же стройте храм по своим законам и правилам и прилюдно практикуйте богослужение». Досточтимый Ака Мирза Абдуль Карим заметил, что на участке, именуемом «величайшей землей», возведена небольшая постройка, но она не закончена, между тем при благосклонном отношении его святости генерала, да укрепить его Бог всевышний силою и славой, будут установлены безопасность и спокойствие, тогда это здание обретет конечный и совершенный вид [с. 10] и появится храм. «Очень хорошо!» — сказал он и вновь произнес множество приятных слов. Более полутора часов прошло за разговором на упомянутые уже темы. Задавались вопросы о сути религии⁴⁹ и событиях, связанных с ее появлением, и следовали ответы. Изложение их всех выходит за рамки сего короткого рассказа. Он выяснил имя каждого из недругов у досточтимого Ака Мирзы Абдуль Карима и собственноручно записал их. С помощью переводчика Мирзы Ахмад-бека дал полковнику⁵⁰ — начальнику полиции, исчерпывающие указания и строгие поручения об охране города и друзей, и мы откланялись. В ту ночь, по приказу почтеннейшего генерала, улицы патрулировали военные, а полицейское начальство прилагало всяческие усилия для охраны и обеспечения безопасности города и держало все под наблюдением.

Когда прошла ночь и забрезжил рассвет, от начальника Области последовал указ об аресте тех злоумышленников. А поскольку некоторые полицейские чины, будучи шиитами, симпатизировали в душе недругам, то большинство злодеев разбежалось и были схвачены Асадулла, Гаффар и Ибрахим. Но Гаффар и Ибрахим не были винов-

⁴⁷ Революцию здесь следует понимать в переносном смысле.

⁴⁸ Фанатичных шиитов.

⁴⁹ Религии бахаи.

⁵⁰ Слово «поковник» (так) приведено в тексте по-русски арабскими буквами.

ны ни в чем, и арестовали их по ошибке. В итоге недругов охватил трепет и в городе в общем воцарилось спокойствие. Также его святостью генералом был отдан приказ, чтобы руководители органов юстиции приступили бы к расследованию и судебному разбирательству, дабы отделить виновного от жертвы. По закону блистательной российской державы при разрешении споров вначале для расследования вызывают к следователю, которого на местном языке называют «силисчи»⁵¹, истца, ответчика и свидетелей с обеих сторон. Предельное внимание уделяют расспросам. По завершении этих этапов разрешение спора и тяжбы возлагают на суд⁵². Следуя этому принципу, вначале к ученому мужу, который был «силисчи», вызвали друзей и их свидетелей, а затем недругов и всех обвинявшихся в убийстве его святости и приступили к рассмотрению тяжбы и разбирательству.

До приезда автора этих строк в Ашхабад между друзьями и достославным христианским народом не было полностью дружественных отношений. [с. 11] Когда же пишущий эти строки приехал в эту землю, раскрылась дверь дружеского общения и совместных бесед между этим покорным слугой и христианскими богословами, и почти каждый день до гибели его святости мученика главы и ученые мужи этой конфессии⁵³ приходили на квартиру автора сих строк, и происходили научные дискуссии и обсуждение религиозных тем в меру, не приводящую к разрыву нити дружбы, и в той степени, в которой не замутнились кристально чистые воды дружбы. Так получали известность в христианской среде религиозные положения и воззрения веры [бахай] и становились очевидными для христиан просвещенность и познания друзей и их отличия от других и преимущества. И в отношениях возобладала полная чистота и добросердечие. Также известна и очевидна стала последователям Иисуса беспричинная и безосновательная злоба и ненависть шиитов к этой общине. Ибо видели они со стороны одних лишь доброжелательность, любовь, великодушие и долготерпение, а с другой стороны — только вражду, клевету, ложь и недружелюбие. Посему когда произошло убийство его святости мученика, оно так действенно повлияло на симпатию христиан и так убедительно подтвердило злонамеренность недругов и жертвенность друзей, что сие невозможно описать пером. Потому и приложили они, как подобает, старания для защиты друзей и поистине проявили все, что приличествует верности и благородству. И свидетельствовали правдиво и искренне обо всем, что видели и слышали, перед «силисчи» и российским начальством.

Вкратце, месяца два дело расследовалось и разбиралось. Почти ежедневно вызывали друзей и недругов и записывали показания обеих сторон в особую тетрадь. В процессе этого расследования была доказана вина Муллы Ахмада — купца из Йезда, Муллы Махди из Табриза — рассказчика повествований о мученической гибели шиитских имамов, Машхади Самада — купца из Табриза и Машхади Джалиля из Гармруда⁵⁴. По распоряжению властей Области они были взяты под арест. Когда же оказались эти люди, что были корнем зла и главной причиной гибели его святости мученика, в силках судьбы, повязанные цепью вины, паника и трепет охватили врагов, все существо их сотрясали страх и ужас. Вначале сбежал Махди Кашани⁵⁵, который был злейшим недругом и точил зубы [на общину бахай]. Вслед за тем побежали

⁵¹ «Силисчи» («силитчи») — «следователь» по-азербайджански, в настоящее время является архаизмом (этой информацией с нами любезно поделился А.М. Фарзалиев). Схожее слово употребляется и в туркменском языке.

⁵² Слово «суд» передано по-русски арабскими буквами.

⁵³ Христианства.

⁵⁴ По-видимому, Машхади Джалиль из Гармруда и Машхади Джалиль из Мийане (ср. выше) — одно и то же лицо.

⁵⁵ В тексте: «Кашаи», очевидно, ошибка, ср. выше.

в Иран все, кто был хоть как-то причастен к убийству мученика [с. 12] или высказывался на собраниях смутьянов. По этой причине множество народу скрылось из Ашхабада и рассеялось, прильнув в святом Мешхеде⁵⁶, Тегеране и Табризе к подолу властей высокого иранского правительства и богословов того края. Остальные также принялись в Ашхабаде за сочинение вымышленных свидетельств и распространение лживых речей. Каждый день с восходом солнца расходился во все стороны новый [слух, что якобы] «из Ирана приедет такой-то начальник или такой-то полковник и, заковав общину бабидов в цепи, увезет в Тегеран», [в расчете на то], что испугаются, быть может, эти бедняги сих ужасающих вестей и решат бежать из Ашхабада. В землях Азербайджана и Хорасана богословы и купцы также, сомкнув ряды, в едином порыве принялись защищать недругов и изводить друзей, прилагая всяческие старания для освобождения арестованных в Ашхабаде. Друзья проявили в те дни в Ашхабаде такую стойкость, что поистине достойны тысячекратной хвалы и одобрения. Ибо враги единодушно вступили в сговор, перед которым бледнели самые энергичные действия, и прибегали для устрашения друзей к таким мерам, осмыслить которые было не под силу просвещенному уму. Но взор друзей был обращен в сторону Его святости Желанного⁵⁷ и прикован к милостивой заботе Господа Достопоклоняемого, славно величие Его. Справедливость блистательной российской державы и нежелание дражайшей особы его святейшего величества иранского монарха обращать внимание на тенденциозную ложь притворщиков способствовали умиротворению душ и успокоению трепетных сердец. Ибо в ту пору почти каждый день из Кучана⁵⁸, святого Мешхеда и Табриза торговые заправила и лютые недруги телеграфом посылали в Тегеран прошения о защите виновников и расходовали огромные средства на осуществление своих порочных целей. Дело дошло до того, что в Ашхабад пришла корреспонденция покровительственного характера от некоторых официальных лиц высочайшего иранского правительства, и Мирза Аббас Кавам ад-Доуле — министр иностранных дел [Ирана], — лично в [разговоре] с консулом блистательной российской державы, пребывающим в Тегеране, отрицал все сие⁵⁹. Но Божье благоволение и Господнее предначертание, кои неизменно побеждают тиранов и содействуют жертвам, обращали в тщету происки недругов и не увенчали успехом их подлые приготовления. Одно это свидетельствует, что верность, набожность, искренность и смирение всегда одерживают верх и побеждают, а угнетение, враждебность, [с. 13] ложь и злоба были и будут сокрушаемы и побеждаемы. Поистине враг сильный и лютый сему несчастному иранскому народу эти самые нравы и нормы, что привнесли его невежественные религиозные правоведы и ложные вожди и которые они ему привили. И суть они меч разящий и острый, что разрубает нить его могущества и достоинства. Ибо жалким и оскорбленным предстает он в глазах мощных держав, а у цивилизованных народов снискал он славу дикого и грубого.

В итоге, когда прошло месяца два этой предварительной работы и следственная книга наполнилась материалами допроса обеих сторон и исчерпывающее рассмотрение предмета достигло конца, его высокопревосходительство генерал Комаров, да продлятся его славные деяния и подвиги, доложил о состоянии дел в Петербург.

⁵⁶ Центр иранской провинции Хорасан на северо-востоке страны (вблизи ирано-туркменской границы, недалеко от Ашхабада), известный своими шиитскими святынями.

⁵⁷ Одно из метафорических обозначений Бога. В данном контексте может относиться и к Бахаулле.

⁵⁸ Кучан — город в иранской провинции Хорасан.

⁵⁹ Фраза в оригинале не вполне ясна. Слово «нахй», означающее «запрет», выбивается из контекста. Иранский министр в условиях полуколониального статуса своей страны не мог что-либо «воспрещать» одной из мировых держав, какою на тот момент была Россия. С другой стороны, если допустить, что в текст вкралась описка, и читать «нафй» («отрицание») вместо «нахй», фраза представляется более осмысленной.

В середине месяца *раби 'ульаввала* упомянутого выше года⁶⁰ из [монаршего] двора достославной российской державы изошел указ, и разрешение тяжбы было передано военному суду⁶¹. Перевод этого термина русского языка — «армейский трибунал». Эта инстанция занимает в российском государстве высокое положение и имеет неприкосновенный статус. Никто из высших начальников государства того, даже монаршая особа, не в силах отменить или отклонить его решение или изменить его посредничеством или ходатайством. Этот суд может приговорить к смерти, а другим судам в этом праве отказано. Этот пункт, [гласящий], что «со стороны российского двора тяжба передана в военный суд», есть одно из дивных проявлений ласковой божественной заботы и милосердия государственных мужей блистательной державы, что преградили путь хитрости и ухищрениям сильного врага. Ибо, если б дело направлено было в другие суды, то [сие] затянуло бы судебное разбирательство, облегчило бы положение недругов и ослабило бы позицию друзей.

Итак, в те дни по приказу вечно...⁶² правительства в Ашхабад приехал его святость почтеннейший суд[ья]⁶³ Хашановский — один из высокочтимых генералов, носящий титул «председатель»⁶⁴, человек больших познаний, благородства и величия. Весть о его прибытии вселила страх и трепет в сердца, и каждый принялся обдумывать свои шаги и действия. В субботу 22-го *раби 'ульаввала*, что соответствует четвертому ноября — русскому месяцу, к друзьям и прочим [с. 14] пришло около ста пятидесяти повесток с вызовом [в суд]. В них, с указанием имени каждого [получателя], говорилось, что «для разрешения судебного разбирательства по делу Али Акбара из Табриза (убийцы его святости мученика) и восьмерых других вы должны в понедельник шестого ноября — русского месяца, в девять часов по европейскому времени, что соответствует примерно часу после восхода солнца, явиться в здание, именуемое «клуб». Когда пришли эти письма, называющиеся по-русски «повестка»⁶⁵, страх и ропот в народе заметно усилились.

В городе ни о чем не вели разговоров, кроме как об этом. Недруги [же], помимо того что направили посланца к богословам Ирана и обратились за поддержкой к государственным мужам его святости [иранского] монарха, участвовали свои походы и к сановникам Ашхабада и в поисках выхода обращались также к компетентным людям края того.

С наступлением утра двадцать четвертого дня и друзья, и недруги направились со страхом и надеждой к его святости суду. Пришли в движение фэтоны, отъезжавшие в клуб. Народ поспешил партиями на заседание суда. Уповая на Бога, с сияющими лицами и уверенностью в сердце, последовали в сторону клуба и друзья. Заседание выглядело следующим образом:

Ход и обстоятельства судебного заседания

Здание клуба — одно из правительственных зданий Ашхабада — основательно отличается от государственных учреждений Исфахана. А расположенная примерно в середине [его] большая комната и была залом суда. По размеру она казалась приблизительно равной тронному залу Дома с колоннадой в Исфахане⁶⁶, и в ней могло усесться

⁶⁰ Т.е. в октябре 1889 г.

⁶¹ Слово «военный суд» приведено по-русски арабскими буквами.

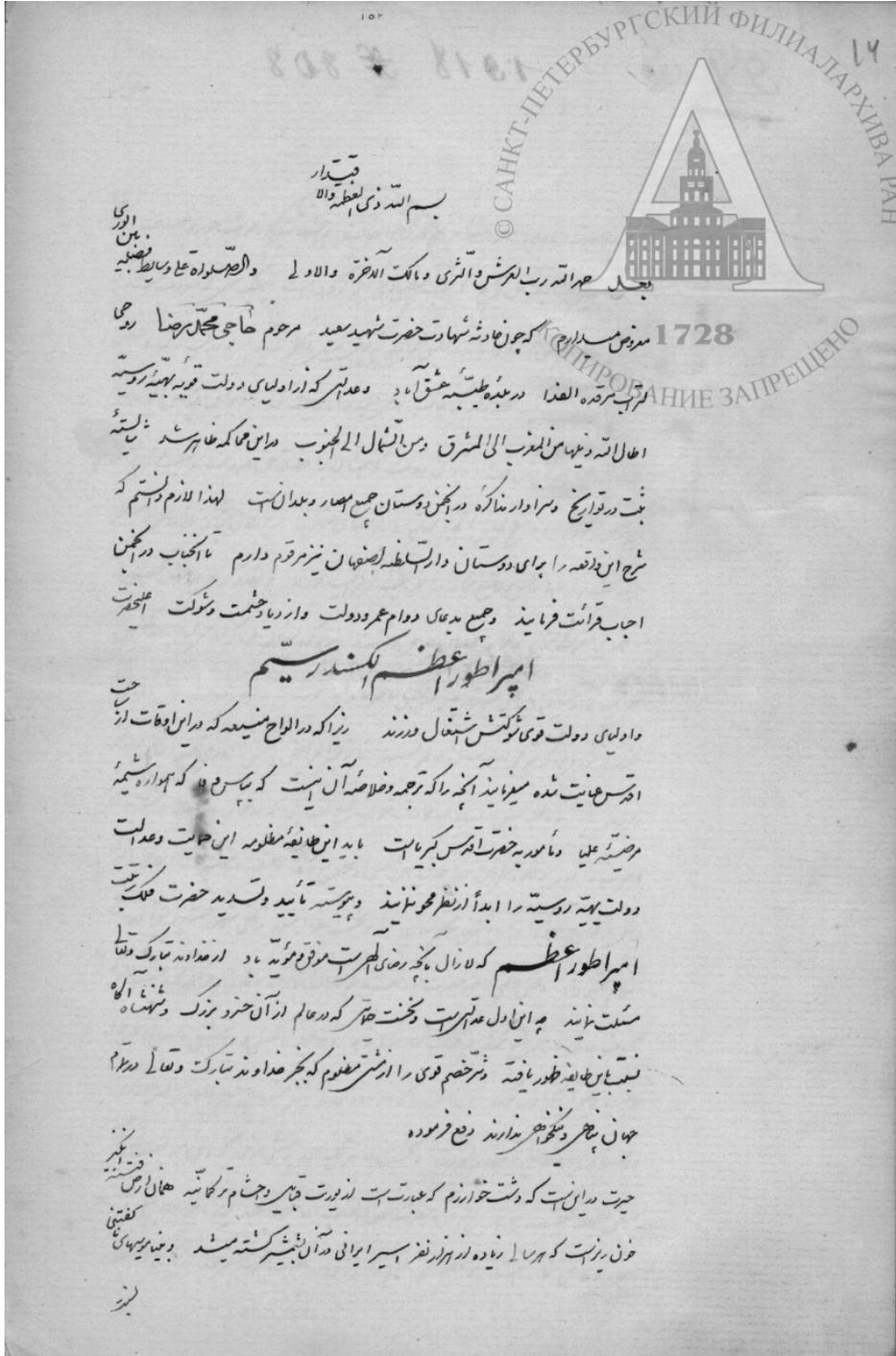
⁶² Второй компонент этого эпитета непонятен.

⁶³ Слово «суд» дано по-русски арабскими буквами, но по контексту оно обозначает лицо, олицетворяющее суд, т.е. судью.

⁶⁴ Очевидно, председатель суда (слово приведено по-русски арабскими буквами).

⁶⁵ Слово приведено по-русски арабскими буквами.

⁶⁶ Речь идет о дворце Шаха Аббаса в Исфахане, чье название буквально означает «сорокаколонный».

Первая страница рукописи «История мученичества Хаджи Мухаммада Ризы Исфакхани» из Архива РАН в Санкт-Петербурге

человек пятьсот. Место для почетных гостей было приподнято над полом примерно на один аршин. Справа, слева и позади места для почетных гостей [имелись] еще три комнаты. Лишь вошли мы в зал заседания, как в полном блеске, [облаченный] в судейскую мантию, пред взором предстал восседавший в кресле в центре места для почетных гостей его святость суд[ья] (председатель). А рядом с ним по правую и левую сторону сидело четверо других [государственных] мужей блистательной державы. Перед ними был поставлен стол. На одной стороне стола [находился] футляр с зеркальной поверхностью, на короне, [венчающей этот] футляр, [возвышался] золотой орел, а на трех стенках футляра были написаны царские указы трех великих императоров [с. 15] России о соблюдении справедливости и сохранении беспристрастности и о недопущении насилия и принуждения. Справа от почетного места сидел Петроскевич, чья должность называлась «прокурор»⁶⁷, с письмоводителем, именовавшимся «секретарь»⁶⁸. Он должен [был] в суде отстаивать позицию стороны истца. Слева от почетного места — защитник с секретарем⁶⁹. Он должен блюсти интересы стороны обвиняемого. Точно также и судейская коллегия, состоявшая из девяти человек — экспертов того края и государственных служащих на руководящих должностях, прилагала усилия для справедливого решения и стремилась расследовать дело о шиитах. В зале же в креслах расположились областные начальники, военное руководство, купеческие главы из русских, мусульман и армян и следили и наблюдали за ходом суда. Впереди всех — в первом ряду — сидели девять убийц его святости мученика и остальные виновные. Они были в окружении армейских солдат. На заседании также присутствовали священник армян и русских и шиитский *казий*⁷⁰. Его высокопревосходительство великодушнейший генерал Комаров распорядился, чтобы имелись переводчики со всех языков, дабы могли представить перевод заявлений каждого без искажений и изменений.

В общем, всех участвовавших в суде⁷¹ из числа друзей, прочих и свидетелей сторон после входа в здание клуба завели в правую комнату зала заседания и велели, чтобы никто не входил и не выходил без разрешения и никто бы ни с кем не разговаривал. Вначале, по указу суд[ьи], *казий* взял клятву у свидетелей шиитов по исламскому закону. У самого же *казия* клятву именем Господа благословенного и всевышнего брал его святость суд[ья] лично и заставил поклясться на достославном Коране, что тот не будет говорить вопреки истине и справедливости и не станет лжесвидетельствовать и что чувства сопричастности единой вере, дружбы и им подобные не склонят его к тенденциозности и криводушию. С армян, что были из числа свидетелей, клятву брал их священник. После этого вызвали сразу всех друзей. Суд[ья] сперва осведомился у каждого, какова его религия. Все единогласно сказали: «Бабизм». Его святость суд[ья] опять задал вопрос досточтимому Ака Мирзе Абдуль Кариму, торговцу из Ардебилля: «Кто ваш *муджтехид*⁷² или *казий*?» Суд[ья] при этом намеревался взять клятву.

Досточтимый Мирза заметил: «У нас нет обычая иметь мулл, [с. 16] чтобы, [как] по шиитскому закону, решения были бы за богословами и *муджтехидами*. Но есть среди нас люди знающие и компетентные». Суд[ья] спросил: «Кто [они]?» Досточти-

⁶⁷ Это слово передано по-русски арабскими буквами.

⁶⁸ В тексте искаженное русское слово передано арабскими буквами.

⁶⁹ Оба слова приведены по-русски арабскими буквами.

⁷⁰ *Казий* (*кади*) — шариатский судья, выносящий решение на основе самостоятельного истолкования Корана и Сунны.

⁷¹ Т.е. непосредственно вовлеченных в судебный процесс.

⁷² Законовед, достигший высшей степени в знании и толковании законов (в исламе).

мый Мирза указал на автора этих строк. Тогда суд[ья] осведомился у меня о нашем законе приведения к присяге. Я молвил: «У этой общины нет правила давать клятву, и в Книге⁷³ не ниспослано закона о присяге. Но всему, что велит государство, мы повинемся и принимаем к исполнению указы правителей с великим удовольствием и радостью». [Судья] заявил: «Так как у вас нет закона о клятве, то я заключу с вами соглашение и поставлю условие столь же непреложное, как клятва». Затем он сказал: «Поскольку ваш религиозный закон предполагает, что вы должны обходиться со всеми племенами и нациями, с любой общиной и конфессией по-братски, с любовью, преданностью и добросердечием, и вы не считаете религиозные различия поводом для вражды и бесчеловечности, то вначале я хочу вас попросить соблюдать эти правила и с этими заключенными, которые по закону сему ваши братья, и не говорить ничего о них из корыстных и враждебных побуждений. Во-вторых, так как в вашей религии нет предписаний о даче присяги, старайтесь не делать заявлений, противоречащих действительности и истине, чтобы не исходила от вас ложь. Ибо, если станете лжесвидетельствовать или в [речах] ваших обнаружится неправда, то непременно сошлю вас в Сибирь». Я молвил: «Если угодно Богу, благословенному и всевышнему, не скажут они⁷⁴ вопреки [истине] и подчинятся тому, что велели вы». Затем он спросил, существует⁷⁵ и действует ли закон о браке между бабидами и шиитами и выдает ли община эта девушек за шиитов замуж и берут ли [их девушек бахаи] в жены. Я сказал: «Да, и [замуж] выдают, и берут [в жены]. Полного размежевания [по конфессиональному признаку] до сих пор не случилось. Ибо есть немало сыновей-бабидов, у которых отцы — шииты, или отец — бабид, а сын — шиит. Также и братья — один бабид, другой шиит. Аналогично и двоюродные братья и сестры и иные родственники. Для этого существуют и действуют правила дружелюбного обхождения, бракосочетания и другие законы относительно соплеменников». После сего его святость суд[ья] вызвал шиитского *казия* и спросил: «Выдаете ли вы девушек замуж за христиан и берете ли вы в жены христианок по исламскому религиозному закону?» Тот ответил: «Да». Тогда [судья] спросил: «У иудеев вы также берете девушек в жены и выдаете девушек за них замуж?» «Да, выдаем и [с. 17] берем», — молвил тот. «А у огнепоклонников тоже?» — поинтересовался [судья]. «Да», — заявил он. Его святость суд[ья] понял, что [тот] говорит вздор. После этих слов он приступил к допросу и расследованию. Вначале вызвал свидетелей друзей и опросил каждого из них по отдельности. На том большом собрании ни единая душа не могла позволить себе ни высказываться, ни разговаривать. Никто, даже суд[ья], не отвлекался на посторонние темы и не пытался курить папиросы, сигареты или кальян. Каждые три часа минут на пять людей отпускали с собрания выкурить сигарету, или попить воды, или для какой-либо иной нужды, чтобы передохнуть и возвратиться. Так с утра до полуночи занимались установлением фактов и расследованием. Но примерно в половине третьего, на исходе дня⁷⁶, людей отпускали опять, чтобы, сходяв домой, они возвращались на закате. На второй день, во вторник 25-го *раби 'ульаввала*, что [приходился] на седьмое ноября — русского месяца, все происходило аналогично дню предшествующему. С утра до полуночи занимались судебным разбирательством и слушанием. В день тот давали показания свидетели недругов все вместе. За эти двое суток закончилось слушание свидетелей сторон, а в среду, поскольку был российский праздник, судебное заседание было отложено. Когда же забрезжил рассвет в четверг 27-го, на-

⁷³ Вероятно, имеется в виду «Наисвятая Книга».

⁷⁴ Т.е. бахаи.

⁷⁵ Букв.: соблюдается.

⁷⁶ Очевидно, на исходе светового дня.

род в волнении и с трепетом в сердце поспешил к клубу, [чтобы узнать], что явилось [в мире видимого] из-за завесы незримого и кому окажет поддержку всепобеждающее божественное благоволение. Ибо день тот был днем завершения [судебного] заседания, на который было назначено вынесение приговора. Действительно, то был грозный день, и люди казались странными до неузнаваемости. Столпотворение было столь великим по сравнению с днями предшествующими, что сидящим в зале стало тесно. Председательствующий распорядился, чтобы больше в зал никого не впускали. Вкратце, когда открылось заседание и занял свое место суд[ья], вначале поднялся прокурор и более часа говорил языком, исполненным изящества и красноречия, что повергло в изумление русских, тюрок и персов. Он доказал вину обвиняемых. Лишь закончилось его выступление, как встал защитник. Он также произносил свое слово более полутора часов, отвергнув все до единого показания свидетелей друзей. [с. 18] Когда и его речь подошла к концу, снова поднялся прокурор и опроверг и свел на нет все его придирки. Так продолжалось примерно до часа после полудня — эти два почтенных мужа попеременно высказывались в присутствии суд[ьи], пытаясь установить правую и виновную стороны. После окончания прений его святость суд[ья] повернулся лицом к виновным и сказал: «Заклученные, прокурор доказал и доводами обосновал виновность [всех] семерых из вас, но вина одного, по имени Асадулла, меньше, [чем других]. Для остальных шестерых он потребовал смертный приговор и казнь. Если есть некое обстоятельство, которое могло бы послужить к смягчению этого наказания суда, то изложите его и не обрекайте себя на смерть». Лишь дано было его святостью суд[ьей] такое позволение, как преступники принялись умолять [суд] сменить переводчика, чтобы переводил досточтимый Йахья-бек Карабагский — искушенный человек и прекрасный знаток русского, тюркского и персидского языков. Суд[ья] удовлетворил их просьбу, и находившийся в зале Йахья-бек приступил к переводу. Затем по одному стали подниматься виновные и делать очевидно ложные заявления для опровержения «клеветы на себя». Когда прекратились и эти речи, его святость суд[ья] и те четыре сановитых мужа, что сидели справа и слева от места для почетных гостей, удалились в комнату позади места для почетных гостей и уединились для вынесения приговора. Никому в это время не дозволено входить на то заседание, и сколь ни было бы важным чье-то сообщение, передавать его в тех обстоятельствах воспрещается. Этот совет за закрытыми дверями продлился часа два. Народ подобно безжизненному телу⁷⁷ застыл на своих местах в томлении и ожидании, каждый при этом гадал и размышлял, кого неодолимая длань Господней мощи возведет на пьедестал почтения и убедительной победы, а кого низведет⁷⁸ в прах унижения и поражения. Ибо знали, что приговор суда неизменен и непреложен как Провидение. Наконец, с приближением заката солнца с восхода закрытого заседания взмошел солнцеподобный [образ] его святости суд[ьи] и с просветленным ликом⁷⁹ и предельным достоинством остановился на своем месте. Народ весь — купцы и старейшины, истцы и ответчики — также стоял и безмолвствовал. Его святость суд[ья] собственной персоной зачитал приговор, который написал. А переводчик излагал⁸⁰ смысл раздел за разделом. Вкратце содержание приговора состояло в том, [с. 19] что в отношении этих девяти лиц, обвиняемых в убийстве покойного Хаджи Мухаммада Ризы Исфакхани и арестованных, суд после исчерпывающего разбирательства и расследования постановил: во-первых, [признать] двоих по имени Ибрахим и Гаффар неви-

⁷⁷ Букв.: телу, лишенному духа.

⁷⁸ Букв.: посадит.

⁷⁹ Букв.: челом.

⁸⁰ Букв.: объявлял.

новными и освободить. [Из] остальных семерых, чья вина подтверждена и доказана, Али Акбара, известного как Али Баба, и Хусайна, которые были организаторами убийства покойного Хаджи Мухаммада Ризы, казнить через повешение. Муллу Махди из Табриза — рассказчика повествований о мученической гибели шиитских имамов, который исторгал с минбара проклятия и брань и стал причиной беспорядков и смуты, — пожизненно отправить в самые отдаленные сибирские земли для тюремного заключения и ссылки. Мулла Ахмад из Йезда, Машхади Самад из Табриза и Машхади Джалиль Гармруди, которые выступили подстрекателями злодеев, должны отбывать наказание в месте своего тюремного заключения — в Сибири с исполнением каторжных работ⁸¹ в течение пятнадцати лет. А виновный в меньшей степени Асатудулла останется четыре месяца в заключении, после чего освободится и будет выдворен за пределы российских владений. Его высокопревосходительство Комаров, правитель Ашхабада, властен смягчить это наказание [осужденным] и уменьшить его срок. Когда был зачитан приговор и его содержание было доведено до народа, заседание завершилось. Ибрахима и Гаффара суд освободил, и люди разошлись — одни радостные, другие печальные. Слава Богу, Господу миров!

Смысл «каторжных работ» состоит в том, что из-за возвышенности своей природы и неприятия казни славный христианский народ всякого, кто приговорен по закону к казни, ссылает в отдаленные земли Сибири, которые по причине сильных морозов и холодов непригодны для возделывания, засева, развития цивилизации и проживания, чтобы тот занимался подземными работами на рудниках. Большинство не выживает из-за непосильного изнурения и тяжелого труда в крайне унижительных условиях. Если и выживет один из тысячи и отработает назначенный ему по приговору [суда] срок, то и после этого не позволено ему возвращаться на родину. Но он свободен и вправе заняться обеспечением себя пропитанием на умеренных сибирских землях. Посему и предпочитает большинство смерть такой жизни.

События после завершения заседания суда и вынесения приговора

[с. 20] В день вынесения приговора длань Провидения начертала на скрижали⁸² мира удивительные события, и Кудесник судеб извлек из-за завесы забавную игрушку и наложил новое постыдное клеймо на лица недругов. Обстоятельства этого [происшествия] следующие. Пока его святость суд держал закрытый совет и никто не ведал, какой будет вынесен приговор и какой из сторон будет светить солнце победы и успеха, некто из присутствующих на заседании и зрителей, ничтоже сумняшеся, выбежал из зала и сказал кому-то из собравшихся снаружи клуба и ожидавших новостей, что Мулла Ахмад и остальные выпущены на свободу. Человек тот также из-за своей поспешности и торопливости, как гласит предание: «Поспешность от лукавого и удел неразумных и одержимых ненавистью», ни на миг не призадумавшись и не удостоверившись в том, истинно или ложно это сообщение, тут же сел в фэтон и во весь опор помчался на базар, подобно сверкающей молнии. Там он, прокричав, огласил весть, что Мулла Ахмад и другие отпущены и удостоены привилегии освобождения. Услышав эту вздорную «новость», народ пришел в странное оживление. В суматохе шиитская община целиком высыпала наружу из лавок и комнатушек с криками радости, подняв небывалый шум, как и в день гибели его святости мученика и осы-

⁸¹ Здесь и ниже «каторжных работ» с сохранением родительного падежа приведено по-русски арабскими буквами.

⁸² Букв.: странице.

пала оскорблениями и насмешками лавочников из друзей⁸³, которые занимались торговлей в своих комнатах-конторках. Они⁸⁴ приготовили трех жертвенных баранов у дверей комнатки Машхади Самада, Муллы Ахмада и Машхади Джалиля. Мясники с ножами в руках ждали их⁸⁵ прихода⁸⁶ и страданий [своих] жертв. Заготовив чаши с шербетом и подносы со сладостями, они проклинали друзей и с абсолютным бесстыдством и нахальством исторгали брань прямо им в лицо. Люди группками собрались на улочках для встречи и рукопожатия, как вдруг Предначертатель дел и ревнивый Господь, славно величие Его и всеобъемлюще Его могущество, перевернул страницу, и завершилось заседание суда. До народа донеслась весть о вынесении приговора таким, каким он действительно был, и сразу вся эта радость сменилась печалью, упоение приятной новостью превратилось в огорчение и стыд. Жертвенных баранов, прикрытых овчиной⁸⁷, вернули⁸⁸, и все разбежались по углам, как воры и предатели. Автор сих строк находился в это время на судебном заседании в [ожидании] его итогов и не ведал о происходящем. После своего возвращения я заметил, что друзья пребывали в состоянии, которое не поддается описанию. За этот час на друзей обрушилось столько лживых упреков и колких насмешек, что бедняги, как мертвецы, не способны были и слова вымолвить. Более того, час или два они не могли поверить сообщению пишущего эти строки и других друзей, вернувшихся с судебного заседания, пока не услышали об истинном положении дел из уст самих недругов и не увидели воочию, как те разбежались по разным углам.

Если кто-либо внимательно понаблюдает за состоянием судебных систем блистательной российской державы и славного государства иранского, то изумится тому, до чего они различны. Ибо, случись такое убийство в Иране, как и на стороне убийцы, и на стороне убитого в дело вступили бы крупные купцы. Каждому ясно, во что бы это обошлось обеим сторонам⁸⁹ и какие бы взятки приняли бы от каждого. Помимо подкупа, из-за усиленных ходатайств и посредничества невозможно, чтобы в Иране тяжба разрешилась бы по справедливости и истинное положение вещей не ускользнуло бы от судящего. В суде же по делу об убийстве его святости мученика чиновники блистательной российской державы ни с кого не взяли и динара⁹⁰, более того, благодаря [их] предельной беспристрастности никто не осмелился и заикнуться о взятке в их присутствии или ходатайствовать за виновных. Шиитская община действительно затратила большие средства⁹¹ и понесла весомые убытки, чтобы, прибегнув к богословам и влиятельным лицам Ирана, по возможности отвратить от себя при их поддержке мощь блистательной российской державы и предохранить себя и уберечься от воздаяния за свое зло и отвратительные поступки. Но всепобеждающая воля Господа благословенного и всевышнего не допустила, чтобы кровожадные злодеи те почивали в пристанище безопасности и спокойствия, и правосудие блистательной российской державы не позволило тем разбойникам превратить земли очарования и справедливости в край варварства и беззакония, подобно Ирану. В общем, после

⁸³ Т.е. торговцев-бахай.

⁸⁴ Шииты.

⁸⁵ Освобожденных преступников.

⁸⁶ Слово может быть прочитано как «доруд» («приветствие») и «воруд» («приход», «прибытие»). Мы следуем второму варианту. В первом случае следовало бы перевести: «...ждали [возможности] поприветствовать [их] и страданий [своих] жертв».

⁸⁷ Букв.: под овчиной.

⁸⁸ Может быть понято и как «вернули жертвенных баранов под овчину».

⁸⁹ Букв.: какие убытки понесли бы обе стороны.

⁹⁰ Старая иранская золотая монета, ср. русское «червонец».

⁹¹ Оборот двусмысленен и может быть понят и как «задействовала множество лиц».

завершения заседания, поскольку в приговоре было записано и на заседании также зачитано, что его высокопревосходительство благороднейший генерал Комаров, да продлит Бог всевышний дни его славы, полномочен и властен смягчить наказание виновным, следовательно [с. 21] [и] Мулле Ахмаду, то в отношении него [его защитники] прибегли к жалостливым уговорам и униженным просьбам. А ведь до дня вынесения приговора они все еще считали себя победителями и разговаривали надменно, со слепой уверенностью. Ибо их притязания опирались на указы иранских богословов, поддержку сильной общины и содействие около сотни лжесвидетелей, не считая мягкости и терпения его святости суд[ья], что вселяло в них безграничную надежду. Ибо за эти три дня, пока шло заседания суда, суд[ья] ни разу не говорил с ними грубо или резко, [напротив] обращался к виновным и их свидетелям предельно мягко, как и к каждому из свидетелей друзей, что давали показания. После того, как они прекращали говорить, спрашивал виновных, не имеют ли они что-либо добавить к показаниям данного человека. И они излагали все, что хотели. Воображали они, что убедили его святость суд[ью] и членов судебной коллегии своими нелепостями. Это добродушие и терпение, что характеризуют арбитров и знаменосцев правосудия, придало столько надежды тем неразумным, что они уверились в своей предстоящей победе и в скором освобождении. Даже на заседании они исподволь докучали и угрожали друзьям отвратительными речами по-персидски и по-тюркски. В итоге, после того как был вынесен приговор и они воочию убедились в справедливости его святости [судьи], каждый на своем языке⁹² униженно и смиренно дал понять [своим заступникам], чтобы те, пока его превосходительство Комаров не подписал приговор суда, пошли бы в общину бабидов и отправили их с ходатайством к его превосходительству генералу Комарову, дабы, быть может, невыносимое наказание это было смягчено и распахнулась бы дверь выхода [из создавшегося положения]. Посему сделали они Хаджи Ризу — брата Муллы Ахмада и некоторых других из знатных купцов — Ризу-бека, офицера, и Йахйу-бека Карабагского просителями перед досточтимым и глубокоуважаемым Ака Мухаммад Ризой Арбабом и досточтимым Ака Мирзой Абдуль Каримом, чтобы друзья⁹³ отправились к генералу и ходатайствовали за преступников в надежде на пощаду и смягчение наказания. Соответственно автор этих строк совместно с досточтимым Мирзой⁹⁴, досточтимым Ака Гуламом Мухсином Исфакхани и досточтимым Ака Машхади Йусифом Милани направился к его превосходительству генералу и столкнулся вблизи дома генерала с Хаджи Ризой — братом Муллы Ахмада и некоторыми другими из шиитов, которые сами приходили ходатайствовать перед генералом, но им было отказано в аудиенции. [с. 22] Несмотря на это, в нашей компании они снова пошли к нему, и, после того как нас впустили внутрь и о нашем прибытии было доложено, мы все вместе удостоились приема. Досточтимый Ака Мирза Абдуль Карим изложил суть вопроса, и высокопоставленный переводчик Джавад-бек довел ее до сведения [генерала]. Его превосходительство генерал заявил: «Приверженцы всех религий и толков в глазах его императорского величества едины, и не делается различия между бабидами и другими. В действительности же община шиитов опозорила блистательную российскую державу перед [всем] миром тем, что, несмотря на пристальное внимание и беспристрастность властей, дерзнула совершить такое насилие и зло. Мне отраднo видеть, что вы, невзирая на все злодейство виновных, тем не менее ходатайствуете за них. Если

⁹² Очевидно, на персидском или тюркском (азербайджанском).

⁹³ Имеются в виду представители общины бахаи вообще, а не конкретно данные лица, ср. далее.

⁹⁴ Т.е. с Ака Мирзой Абдуль Каримом.

бы один бабид в Ашхабаде убил одного шиита, неужели в Иране не казнили бы всех бабидов? Я не обещаю ныне, что в отношении их последует смягчение наказания, но полагаю, что, если будет пожаловано смягчение, вас обязательно уведомят». Когда его превосходительство генерал закончил говорить, досточтимый Ака Мирза Абдуль Карим снова обратился с ходатайством и просил о пощаде и помиловании виновных. Вторично его святость генерал дал ответ, подобный первому. В нем зримо полыхало яркое пламя гнева и негодования, вызванного злодеянием недругов. При этом разговоре также присутствовали Хаджи Риза — брат Муллы Ахмада и некоторые из глав враждующей стороны и воочию увидели, каким в итоге [бывает] удел гонителей и гонимых. Вкратце, после [нашего] возвращения выяснилось, что срок ссылки в Сибирь сокращен и наказание это ограничено⁹⁵ восьмью годами. Также стало известно, что четвертого числа [месяца] *раби 'уссани*⁹⁶ убийц повесят. По приказу губернатора Области напротив тюрьмы установили две виселицы, а под виселицами вырыли яму аршина в два глубиной, чтобы свалить туда трупы убийц. [Работы по] установке виселиц и рытью ямы по приказу были выполнены самими убийцами. От вида всего происходящего у людей сжимались сердца. [Эта сцена] предупреждала неотесанных злодеев о строгости законов незыблемой державы и принуждала относиться почтительно к понятию «цивилизация».

На рассвете четвертого *раби 'уссани* все люди понимали и осознавали, что на сегодня назначена казнь⁹⁷ тех двух злоумышленников. [с. 23] Странное возбуждение и необычное беспокойство наблюдалось в народе. Из-за предельного невежества и фанатизма у него не было силы терпеть, а из страха перед сокрушительной мощью блистательной державы не было возможности говорить или на что-либо решиться. На лбу у каждого было написано недоброежелательство, и лица всех выдавали тлеющие ярость и гнев. Вначале по указу государственных чиновников блистательной державы пространство, на котором были возведены виселицы, окружили туркменские всадники. По [соответствующему] распоряжению присутствовали также военачальники и руководители города. Собралось множество людей, чтобы поглядеть. Так как представители славного христианского народа, даже его военные, по возможности избегают убийства человека, то наняли туркмена за двадцать пять рублей, чтобы он набросил веревку на шею убийц и повесил [их]. Вызвали и *казия* шиитов, чтобы привел их к покаянию и произнес вероисповедную мусульманскую формулу. После этих [подготовительных] действий убийц поставили у подножия виселицы, и *казий*, состояние которого невозможно описать, призвал их к покаянию и произнес формулу. Упомянутый туркмен [уже] набросил им на шею веревку, как вдруг, вопреки всеобщему ожиданию, десница мощи его святости Владыки царства, славно величие Его, явила иную картину, совершеннейшая божественная мудрость предстала в другом облиции. Вкратце, в тот самый миг появился прокурор с письмом в руке, которое он зачитал перед народом. Суть письма заключалась в том, что, поскольку община бабидов ходатайствовала о виновных перед его высокопревосходительством генералом, да продлит Бог всевышний его дни величием и полномочной властью, и просила о смягчении их наказания, то его святость великодушнейший генерал, исключительно из приязни, почтения и благоволения к ним⁹⁸, помиловал этих двоих, избавив их от казни, и отказался проливать кровь этих двух злодеев, и постановил, чтобы и эти

⁹⁵ Букв.: определено.

⁹⁶ Название 4-го месяца арабского лунного года, в 1889 г. приходился на ноябрь.

⁹⁷ Букв.: срок казни.

⁹⁸ Т.е. к бабидам/бахай.

двое для отбывания наказания были сосланы в Сибирь на каторгу и в благодарность за спасение молились бы за незыблемую [российскую] державу. Когда письмо это было зачитано народу, все раскрыли уста для прославления и восхваления Бога и радостные и цветущие пошли назад. Убийц вторично вернули в тюрьму. В действительности произошедшее стало спасительным амулетом в делах друзей и способствовало росту уважения и почтения людей верующих. Ибо, как рассказывали некоторые присутствовавшие, этот эпизод так подействовал на торговцев-христиан, что растрогал некоторых до слез. Они говорили: «Смотрите, до каких пределов доходит милосердие и всепрощение общины бабидов, [с. 24] что заступаются за своих убийц и страдают злодеям, которые денно и нощно вынашивают планы их убить!» Очевидно, что с самого начала, когда произошло мученическое убийство его святости, и по сегодняшней день друзья ни минуты не были обделены божественным расположением и господним вниманием. Благословенный и всевышний Господь поддерживал друзей на каждом шагу и направлял их и увенчивал успехом в том, что способствовало уважению и почтению [к ним]. В итоге в глазах высоких сановников блистательной российской державы они сыскали славу чрезвычайно разумных, верных слову, достойных и правдивых людей и украсились такими возвышенными чертами, как дружелюбие ко всем общинам и искренность и доброжелательство ко всем народам мира. Однако случай с ходатайством за убийц его святости мученика, происшедший исключительно по воле Божьей, и письмо о помиловании, зачитанное в присутствии большого числа русских, армян, мусульман и шиитского *казия*, явились особым благоволением [Господа] и великой милостью, так как не только вызвали уважение к друзьям в глазах [людей], но и преградили путь иному истолкованию [событий], дабы невежды не смогли бы утверждать, что их спасение было одним из проявлений чудес имама⁹⁹ или что прискакал всадник в маске верхом на Дольдолье¹⁰⁰ и с *зильфикаром*¹⁰¹ и вызволил их. Если вам небезынтересно знать, каких пределов достигает неразумность народа сего, то судить о том можно по следующему [обстоятельству]. Хотя причина их освобождения была наглядно явлена всем людям, они тем не менее произносили эти вздорные и смешные речи и не только себя, но и весь Иран выставили перед целым светом образцом редкого скудоумия и безрассудства.

В это время друзья овеяли со всех сторон дуновения радости и веселья и им была оказана многократная божественная милость. Потому что, с одной стороны, завершились заседания суда и в присутствии государственных сановников блистательной российской державы сделалась очевидной правдивость того, что говорили друзья. А с другой стороны, благодаря ниспосланию Священных Скрижалей и появлению божественных стихов¹⁰², в которых выражали [они]¹⁰³ одобрение тем действиям друзей, обретена была уверенность и убежденность в том, что, с помощью Бога, благоден и вознесен Он, друзьями не было сделано ничего неугодного Ему и не совершено ни единого поступка, противоречащего Его священному закону. Из недвусмысленных благословенных речений явствовало, что два деяния друзей были признаны весьма отрадными и что благодаря тем двум делам божественное расположение, кое составляет наивысшую цель людей зрелых, коснулось и друзей. Первое [заключалось] в том, что в те дни, когда недруги разгуливали по улицам с оружием в руках и

⁹⁹ Имеется в виду 12-й, «Скрытый» имам.

¹⁰⁰ Букв.: с Дольдольем. «Дольдоль» — кличка коня имама Али, которого, по преданию, ему подарил пророк Мухаммад.

¹⁰¹ Название легендарного меча имама Али.

¹⁰² Речь идет о посланиях Бахауллы, см. начало статьи.

¹⁰³ Т.е. Бахауллы.

вынашивали планы убийства друзей, сия община [с. 25] не намеревалась убить их и не помышляла об отпоре им. По ясному выражению, «их убивали, но не убивали они»¹⁰⁴. Второе [состояло] в том, что ходатайствовали за убийцу его святости мученика и просили его превосходительство генерала о смягчении наказания недругам. Во многих Священных Скрижалях также выражали они¹⁰⁵ [свое] бесконечное расположение его святости мученику и заявляли, что он вознесся на высоту, что превосходит понимание населяющих мир. Подлинно, держит в длани Своей Он Промысл. Возносит того, кого пожелает, и низводит того, кого пожелает. Поистине, мощен Он во всепокоряющей силе Своей и неодолим в победоносном шествии Своем.

Вкратце, через несколько дней по приказу его святости Комарова были сделаны фотографии шестерых из преступников, кроме Асадуллы, в особой одежде, предназначенной для ссыльных в Сибирь. После этого их отправили в Сибирь через город Баку. День отправки их в Баку в той одежде был днем скорби и траура для недругов. С той поры по настоящий момент прошел примерно месяц, шиитские купцы и другие главы общины в Баку, в святом Мешхеде, Тегеране и Табризе заняты по сей день отысканием способов, чтобы выволить их из заключения, [в ожидании увидеть], на чьей стороне окажется Божья воля и что явится из-за завесы сокровенного.

Такова краткая история событий этого города и произошедшего убийства его святости мученика, которую мы поведали предельно лаконично исключительно из любви к вам, досточтимому, и другим друзьям в Исфахане, дабы друзья в крае том предались благодарению и восхвалению Господа, благословенного и всевышнего, и принялись бы возносить мольбы за продолжение славного существования мощной и блистательной российской державы. Надеюсь, что и о сем рабе вы не преминете помолиться на собраниях друзей. Передайте неизменную симпатию Вашего покорного слуги достославным отцу и брату и образцу для подражания друзей, предводителю изысканных и благородных, глубокоуважаемому Ака Мирзе Махди и другим друзьям, да продлит Бог всевышний дни их радости. Пусть на сверкающем челе его святости неизменно блещут лучи благодетства и величия, сияет свет ослепительной победы и свежести!

Написано 29 дня месяца *джамадиульаввала* 1307 [года] в доме брэнного Абуль Фазля Гульпайгани.

Это второй список, который [исполнен] пером [для] распространения, обретя завершение в славном городе Самарканде десятого вечера месяца *раби'ульаввала* 1308 года.

Список литературы

- Персидско-русский словарь. Сост. М.Н. Османов и др. Под ред. Ю.А. Рубинчика. В 2-х томах. М., 1985 г. (издание третье).
- Туманский А.Г. Два последних бабидских откровения (روح) // ЗВОРАО (1891). Т. 6. СПб., 1892. С. 316–317.
- Collections Scientifiques de l'Institut des Langues Orientales du Ministère des Affaires étrangères. Les Manuscrits Arabes. Décrits par M.M. Günzburg, V. Rosen, B. Dorn, K. Patkanov, J. Tchoubinof. T. VI, fasc. 2. St. Petersburg, 1891. P. 247–248.

Список сокращений

ЗВОРАО — Записки Восточного Отделения Русского Археологического Общества.

¹⁰⁴ Ср. третий отрывок из Посланий Бахауллы, процитированных в начале статьи.

¹⁰⁵ Т.е. Бахауллы.

Summary

Yu.A. Ioannesyan

History of the Martyrdom of Haji Muhammad Rida Isfahani in Ashkhabad

The History translated from Persian gives an account of Haji Muhammad Rida Isfahani's martyrdom, which took place in Ashkhabad on September 8, 1889. The martyr, murdered by Shi'ih fanatics, belonged to the local Baha'i community — the first completely organized Baha'i community outside of Iran from the administrative and institutional standpoints. The author of the History — a prominent Baha'i scholar, Mirza Abu-l-Fadl Gulpaygani, was an eye-witness of the events related to the ruthless murder and its subsequent developments. The events played a significant role in the history of the emerging new religion: not only for the first time since its inception were its followers treated justly and their victimizers punished but also the Baha'i Faith was legally recognized as an independent religion during the court hearing. The murder received much publicity also due to the fact that the local Baha'i community appealed to the Russian authorities to mitigate the penalty of the murderers. Their intercession, though causing much surprise, was granted. The above translation is done from a manuscript (probably Gulpaygani's autograph) found among Baron V.R. Rosen's materials in the Archive of the Russian Academy of Sciences in St. Petersburg.